

Отзыв официального оппонента доктора исторических наук Сиренова Алексея Владимировича о диссертации Рудакова Владимира Николаевича «Русские князья — современники нашествия Батыя в отечественном историописании второй половины XIII–XVI в.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история

Диссертационное исследование В. Н. Рудакова посвящено важной проблеме, которая имеет отношение и к источниковедению древнерусской истории, и к изучению отечественного историописания эпохи Средневековья.

Древнерусские летописи занимают особое место в истории средневековой культуры. Сам факт их появления до настоящего времени не получил удовлетворительного объяснения. Традиция русского летописания не восходит к византийским или западноевропейским хроникам, не имеет прямых аналогов в культуре южнославянских стран. Истоки древнерусского летописания напрямую связаны с созданием первых русских агиографических сочинений — Житий Феодосия Печерского и князей Бориса и Глеба. Однако жанр летописи существенно отличается от жанра агиографии, при этом сохраняя целый ряд агиографических элементов, например, в некрологах древнерусским князьям. Агиографический формат повествования задает определенный тон и в оценках деятельности князей. Летописец зачастую воспринимает своего князя в качестве идеального правителя. Существенную роль здесь играют цитаты, реминисценции и иного рода заимствования из Священного Писания, святоотеческой литературы и др. В настоящее время существует довольно развитая историографическая традиция по выявлению и анализу подобного рода заимствований, благодаря которым летописец конструирует некий идеальный мир, весьма далекий от реальных событий. Правда, зависимость от агиографического жанра у древнерусского летописца не является константой. Зачастую летописец переходит к простой фиксации фактов, сопровождая ее своими оценками, в том числе представителей власти, и эти оценки зачастую далеки от агиографических топосов как по форме, так и по содержанию. Такая стилистическая и жанровая неоднородность древнерусских летописей дает возможность исследователю проводить источниковедческие изыскания, сравнивая описание одного события разными летописцами. Следует признать, что автор настоящего диссертационного исследования активно пользуется такой возможностью. Сопоставление северо-восточной традиции летописания с новгородской и галицко-волынской позволяет В. Н. Рудакову выявить тенденциозность в оценке деятельности владими́ро-суздальских князей. Впрочем, здесь диссертант следует давней историографической традиции. При этом важно отметить, что, применяя давно отработанный исследовательский прием, В. Н. Рудаков получает новые

результаты. Драматические события татаро-монгольского нашествия оказались трудными как для летописного описания, так и для осмысления. Поведенческие стратегии русских князей зачастую были далеки от эталонного образа князя, как его понимал летописец.

В рассматриваемой диссертации впервые проведен анализ летописных известий о поведении русских князей в период татаро-монгольского нашествия и событий, последовавших непосредственно за ним. Следует отметить корректное отношение автора диссертации как к свидетельствам источников, так и к предшествующей историографии. Так, анализируя так называемый «вроцлавский эпизод» бегства князя Михаила Всеволодовича Черниговского, В. Н. Рудаков справедливо отдает предпочтение традиционной трактовке этого сюжета в историографии перед смелыми реконструкциями, недавно выдвинутыми А. В. Майоровым (с. 281–285). К несомненным удачам автора следует отнести анализ образа Александра Невского в первоначальной редакции его Жития, созданной во второй половине XIII в.

Хронологические рамки диссертационного исследования ограничены XVI в. Автор намеренно не обращается к поздней традиции, что объясняется объектом исследования, которым являются события времени татаро-монгольского нашествия. Однако привлекаемый автором диссертации материал летописей и других исторических сочинений XV–XVI вв. предоставляет материал не столько для реконструкции событий XIII в., сколько для осмысления их русскими книжниками более поздних эпох. И здесь автор диссертации делает несколько важных наблюдений. В этом ключе несколько искусственным выглядит отказ от рассмотрения традиции историописания XVII в. Проиллюстрирую это на одном примере. Так, недостаточно объясненным остается текст чуда Михаила Черниговского, опубликованный Н. И. Серебрянским по единственному списку второй половины XVI в. (с. 263–265 диссертации). Князь Юрий Всеволодович представлен здесь как живущий «свиньскы, в мнозе кале греховнем и скверне, в гордыни и властолюбии и в пианьстве и в зависти и в любодейнии и в скупости и в немилосердии, воистинну скотско житие живый». Узнав о надвигающихся на его стольный город Владимир татаро-монгольских полчищах, князь посещает некоего отшельника, жившего недалеко от города. Отшельника звали Каламирисо. Отказавшись разговаривать с грешником, тот, однако, на следующий день принял дочь князя и поведал ей о грядущей гибели князя и разорении города. Сюжет завершается сценой явления князю после пророческого сна иконы Христа Вседержителя: «образ Владычень, на воздухе стояще, пресветлая луча испущающа на град» (Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Пг., 1915. Приложения. С. 81–82). Очевидно, что перед нами реминисценция некоего переводного греческого текста, возможно, патерикового характера. На это

указывает, прежде всего, имя старца, которое в оригинале таковым не было, а, очевидно, означало приветственные слова, с которыми пришедший обратился к отшельнику (например, *καλημερίζω*). Сюжет же явления Юрию Всеволодовичу иконы, источающей свет, перекликается с поздним Житием Георгия Всеволодовича, составленным в начале XVIII в. В нем описано явление князю иконы святого Георгия Победоносца во сне, а затем после пробуждения, и наяву. Икону также сопровождал некий свет. Приведенный материал не имеет отношения к историческому князю Юрию Всеволодовичу. Как представляется, здесь скорее отразился его фольклорный образ. Отметим, что фольклорное начало в песнопениях, посвященных князю Георгию Всеволодовичу, зафиксировала Н. С. Серегина (Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 169). В XVIII в. князь Георгий Всеволодович стал героем одного из самых известных памятников старообрядческой литературы этого времени — *Летописца о граде Китеже*, который также наполнен фольклорными элементами. Фольклорная обработка образа князя присутствует и в летописном рассказе о битве на Сити в рукописном сборнике XVII в. РНБ, собр. М.П. Погодина, 1578 (опубликовано в 1903 г. М. Г. Халанским). Таким образом, автор диссертации обращается к материалу XVI в., однако данных для реконструкции событий XIII в. извлечь из него не может за их отсутствием. При этом привлекаемые материалы остаются вне историографического и литературного контекста.

Подобная ситуация имеет место и при освещении деятельности Михаила Всеволодовича Черниговского. Автор диссертации обстоятельно рассматривает редакции Жития Михаила Черниговского, созданные в XVI в., но оставляет без внимания сюжеты, связанные с именем Михаила Черниговского в житиях других русских святых, рукописная традиция которых относится к XVI–XVII вв. Так, этот князь объявлен отцом суздальской святой Евфросинии, и ему уделено внимание в созданном в середине XVI в. Житии Евфросинии Суздальской. С Михаилом Черниговским связано одно из чудес святого Никиты Переславского, и здесь можно предполагать отражение некоего более раннего предания.

Отметим, что в виде исключения В. Н. Рудаков все же обращается к памятникам историописания XVII в. — например, к «Истории» дьяка Ф. А. Грибоедова (с. 418–419). Но это обращение не носит системного характера, что, прочем, объяснимо, учитывая цели и задачи данного диссертационного исследования.

При этом, несмотря на очевидные достоинства диссертации, следует обратить внимание на отдельные недостатки и высказать некоторые замечания. Так, на с. 222 автор пишет, что описывая взятие Рязани Батыем, составитель Воскресенской летописи, как и

Московского свода конца XV в., следует Софийской I летописи. Если быть точным, то следует признать, что Софийской I летописи следовал составитель Московского свода. В Воскресенской же летописи данный текст полностью и без каких-либо изменений был заимствован из Московского свода. В другом месте рассказ о взятии Владимира в Воскресенской летописи автор возводит к списку Царского Софийской I летописи (с. 238). Это не так. В данном месте Воскресенская летопись следует за текстом Московского свода конца XV в.

Одним из списков Никоновской летописи назван Толстовский VII (Голицынский), который в действительности является списком Лицевого летописного свода, что, впрочем, автор признает (с. 241). Здесь следовало бы внести определенность и разделять концепцию Никоновской летописи, а о концепции Лицевого летописного свода.

Автор пишет, что Житие Александра Невского редакции Ионы Думина вошло в состав Степенной книги (с. 225, 243). Следовало бы оговориться, что это случилось в одной из поздних редакций Степенной книги, а не в ее первоначальном тексте. Рассказ о посольстве от рязанских князей к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу в этой редакции Жития Александра Невского заимствован из Никоновской летописи в свойственной для Ионы Думина обработке. Этот вывод как будто следует из приведенных автором диссертации текстов Никоновской летописи и Жития, но он не сформулирован.

Отдельно имеет смысл разобрать сюжет с гибелью сыновей владимирского князя Юрия Всеволодовича при осаде татаро-монголами Владимира. Формулировка Лаврентьевской летописи, что они погибли «вне града» в летописях XV в. была переосмыслена как в «Нове городе», т.е. в западной части фортификационных укреплений Владимира, получивших название Нового города. В. Н. Рудаков настаивает на неправильности такой трактовки (с. 235, 236 ???). Укрепления города Владимира в начале XIII в. представляли собой довольно сложную систему из трех (детинец, Печерный и Новый грады) или даже четырех (детинец, Печерный, Новый и Ветшаный грады) замкнутых частей. Вполне возможно, что собственно градом могли называть только часть этой фортификационной системы, например, Печерный град с детинцем внутри или Перечный и Новый грады. Сыновья владимирского князя могли погибнуть на посадке, названном позднее Ветшаным градом. Как представляется, в нашем распоряжении недостаточно данных, чтобы отвечать на этот вопрос с определенностью, а тем более обвинять возглавлявших оборону столицы Суздальского княжества князей в трусости и дезертирстве.

Целый ряд ценных наблюдений В. Н. Рудаков сделал, рассматривая сюжет с гибелью князя Юрия Всеволодовича. К явным достоинствам рассматриваемой

диссертации следует отнести выявленный и подробно описанный процесс героизации и сакрализации образа Юрия Всеволодовича в летописях и других исторических сочинениях XV–XVI вв. Однако здесь следует сделать одну оговорку. В Житии Александра Невского редакции Ионы Думина, как представляется, не было стремления представить Юрия Всеволодовича в качестве святого предка Ивана IV, как это считает автор (с. 256). Описывая чудо от мощей Александра Невского о битве на Молодех, Иона Думин перечисляет «сродников» Александра Невского и Ивана IV, призванных для помощи русскому воинству. В. Н. Рудаков совершенно справедливо отмечает, что это были князья, погребенные во владимирском Успенском соборе — именно «сродники», т.е. родственники, а не предки. Следует подчеркнуть, что в качестве предком Ивана IV ни Юрий Всеволодович, ни Андрей Боголюбский не фигурировали. Это важно для традиции XVI в. Канонизация князя Георгия (Юрия) Всеволодовича в XVII в. была вызвана тем обстоятельством, что для новой династии Романовых святые князья, являющиеся родственниками по боковым ветвям были предпочтительнее прямых предков старой династии. Именно поэтому, на наш взгляд, Георгий Всеволодович удостоился официальной церковной канонизации в середине XVII в.

Как нетрудно заметить, отмеченные недостатки носят частный характер, а высказанные замечания дискуссионны. Они, скорее, имеют целью определить дальнейшее направление исследований, чем подвергнуть сомнению проделанную автором диссертации большую работу по сбору и анализу данных о русских князьях в период татаро-монгольского нашествия.

Следует подчеркнуть, что вынесенные на защиту основные положения диссертационного исследования вполне аргументированы. Автор диссертации владеет современной методологией в области историко-филологических исследований и умело ее применяет. Представленная к защите диссертация представляет собой самостоятельный законченный научный труд, имеющий несомненное научное значение. Диссертация В. Н. Рудакова принадлежит к школе исследования древнерусской истории в Институте российской истории РАН, которую в настоящее время возглавляет А. А. Горский. Во многом исследование В. Н. Рудакова выдержано в том же ключе, что и монографии А. А. Горского. Таким образом, перед нами заметное явление в отечественной историографии, которое можно определить как научную школу А. А. Горского и поставить в один ряд с научными школами А. А. Зимина, И. Я. Фроянова и др. Не вызывает сомнения и практическая значимость диссертации, результаты которой можно использовать в учебном процессе и в области исторического просвещения.

Основные положения диссертации доказаны и аргументированы. Результаты проведенного исследования получили отражение в 48 публикациях, из которых две индивидуальные рецензируемые монографии. 24 статьи опубликованы в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Три статьи опубликованы в научных изданиях, индексируемых в международных базах данных.

Автореферат диссертации в полной мере отражает содержание диссертационного исследования, соответствующего специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Диссертационное исследование В. Н. Рудакова «Русские князья — современники нашествия Батые в отечественном историописании второй половины XIII–XVI в.», полностью отвечает требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, пунктам 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор Владимир Николаевич Рудаков заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент

доктор исторических наук, профессор

член-корреспондент РАН

В. Сиренов

20 апреля 2026 г.

Сиренов Алексей Владимирович

доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАН.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, директор.

Адрес: 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул. д. 7.

Электронная почта: [redacted] йт: <https://spbiiiran.ru/>

Тел. 8 (812) 235-4 [redacted]

